

Настал день назначенной трансляции. Хань Сыюй заметил, что в особняке семьи Бай стало непривычно многолюдно, а лица всех слуг выглядели донельзя серьезными, словно они готовились к столкновению с грозным врагом.

Словно по команде, все те люди, что еще недавно крутились здесь, исчезли, будто призраки, не оставив после себя ни следа.

— Управляющий Хань, а где все остальные? Почему их нигде не видно? — Хань Сыюй преградил путь управляющему, требуя ответа.

Управляющий Хань лишь тяжело вздохнул. С тех пор как молодой господин сделал ему строгое предупреждение, он больше не вмешивался в дела хозяина, ограничиваясь лишь повседневными хозяйственными заботами. А что касается исчезнувших людей — разве мог он знать? Да и как он посмеет спрашивать об этом самого молодого господина?

Вид Хань Сыюя вызывал у управляющего лишь досаду. Он-то надеялся, что этот парень хоть немного сможет приструнить молодого господина, а оказалось, что перед ним лишь пустышка, которая только доставила ему лишних хлопот. Не желая продолжать разговор, он холодно бросил:

— Молодой господин, откуда мне знать? Я всего лишь управляющий, разве мне под силу контролировать действия молодого господина? Лучше спросите у него самого.

— Ты! — Хань Сыюй ткнул пальцем в нос управляющего. — Управляющий Хань, не забывай, кто здесь хозяин, к тому же, те дела, что ты творил...

Пренебрежительный тон управляющего задел самолюбие Хань Сыюя, он едва не сорвался на крик, но в последний момент взял себя в руки. Еще не время. Сейчас ему нужно было с кем-то расправиться, и управляющий пока мог подождать.

Уловив скрытую угрозу, управляющий лишь усмехнулся:

— Что вы такое говорите, молодой господин? Разве я могу быть не на вашей стороне? Если больше нет вопросов, я пойду.

Проклятье, надо было сразу понять, что это ловушка.

Расставшись с управляющим, Хань Сыюй попытался расспросить других слуг, но все как один твердили, что ничего не знают.

В ярости он пнул цветочный горшок, вернулся в свою комнату, заперся и открыл Звездную сеть. Всё это — дело рук того ублюдка Бай Муцзиня. Хань Сыюй решил, что сейчас лучше всего просто посмотреть трансляцию. Хм, посмотрим, какие еще фокусы ты выкинешь.

В подвале —

Врачи, вызванные Бай Муцзином, сидели как на иголках. Они до смерти боялись, что если не смогут спасти молодого господина Бай, то им конец.

Один из них, старик с седыми волосами, дрожащими руками достал платок и вытер холодный пот со лба. Поправив очки, он хотел было снова попытаться отговорить юношу:

— Молодой господин Бай, может, вы еще раз подумаете? Это дело...

Не успел он закончить, как Бай Муцзинь резко его оборвал. Властная аура, исходящая от юноши, была столь сильна, что старик от испуга рухнул на пол. Остальные врачи поспешили поднять коллегу и, забившись в угол, притихли, не смея больше проронить ни слова.

Время пришло. Бай Муцзинь ровно в срок начал трансляцию. Всего за минуту число зрителей достигло шести с половиной миллиардов и продолжало стремительно расти.

— Раз, раз, меня слышно? — голос Бай Муцзиня, наполненный глубокими бархатными нотками, прозвучал в ушах миллионов людей.

— А-а-а! Мои уши в экстазе, как же это красиво!

— Слышно, слышно! Господи, почему голос моего мужа такой приятный?

— Пф, у вас что, с ушами проблемы? От этого голоса меня чуть на обед не вывернуло.

— Точно, слушать тошно, сборище фанатиков.

— Не нравится — не слушайте, вас никто не заставляет.

...

В комментариях тут же разгорелась жаркая битва.

— Хм. — Бай Муцзинь слегка кашлянул. — Я запустил этот стрим, чтобы доказать вам свою позицию. Я признаю, что феромоны действительно оказывают фатальное влияние. Но ради своей мечты — сражаться на поле боя — и ради защиты своих товарищей от угрозы, я сделаю это прямо у вас на глазах.

Сказав это, Бай Муцзинь разделил экран трансляции на три части: на одной был виден его затылок, на другой — живот, а третья показывала его лицо целиком.

Он протянул руку и взял со стола кинжал. Когда лезвие приблизилось к шее, сидевший рядом врач не выдержал и зажмурился. Кинжал коснулся кожи, и зрители по ту сторону экрана вытаращили глаза. Некоторые из них смутно догадывались, что сейчас произойдет, и внезапно перестали смотреть на экран.

Вжик!

В тот же миг из затылка Бай Муцзиня хлынула кровь, мгновенно окрасив белую рубашку в багровый цвет. Кинжал глубоко вошел в железу, пронзив ее насквозь.

Он не поморщился, на его лице не дрогнул ни один мускул, лишь крупные капли пота, стекавшие по лбу, выдавали нестерпимую боль.

Спустя мгновение камера переключилась: одна часть экрана показывала шею, другая — лицо, а третья... живот!

Действия Бай Муцзиня подтвердили худшие опасения. Не медля ни секунды, он повел окровавленным кинжалом вниз.

Хватит! Перестань! — кричали про себя все зрители.

Сердце каждого словно сжали ледяные тиски. Люди открывали рты, пытаясь закричать, но не могли пошевелиться, будто их горло сдавила невидимая рука.

Пш-ш...

Кинжал пронзил живот.

Пожалуйста, довольно! — молили они.

Но Бай Муцзинь не слышал этих мольб, а если бы и услышал — не остановился бы. Он вогнал кинжал еще глубже, покрутил его из стороны в сторону, словно выворачивая внутренности.

Все это время его прекрасное лицо оставалось бесстрастным. Наконец, закончив свое самоистязание, он отбросил нож в сторону.

Все затаили дыхание. Самые впечатлительные зрители разрыдались. Каждый был глубоко потрясен увиденным.

— Прости, я не должен был в тебе сомневаться.

— Боже, я плачу. Мой бедный Бай-Бай, как же больно, сердце разрывается за тебя.

— Прошу прощения. Хотя я и Альфа, но признаю: ты сильнее меня.

Комментарии заполнились словами раскаяния и сочувствия. Пальцы тех, кто писал эти строки, дрожали.

— Это вы его довели! Бай-Бай просто хотел защищать родину на поле боя. Разве он в чем-то виноват?

Этот комментарий мгновенно взлетел на первое место.

Виноват ли он? Этот вопрос заставил всех, кто еще недавно травил Бай Муцзиня, замолчать. Он не был виноват. Он просто хотел быть полезным, а не оставаться лишь бесполезным Омегой. Виноваты были они сами — своей слепой завистью.

— Вы все увидели, — с трудом проговорил Бай Муцзинь. Боль стала невыносимой, приступы накатывали волнами, а перед глазами плыли черные пятна.

Бай Муцзинь махнул рукой врачам, и те поспешили к нему, чтобы уложить окровавленного юношу на носилки. Сдерживая слезы, они начали оказывать ему помощь, и трансляция прервалась.

Хотя эфир закончился, все зрители продолжали пребывать в состоянии глубокого шока, вины и раскаяния.

Конечно, за исключением двоих.

Хань Сыюй понял, что снова недооценил Бай Муцзиня. Он и представить не мог, что этот с виду кроткий человек способен на такую жестокость. Его пробрала дрожь. Если он так беспощаден к самому себе, смогу ли я когда-нибудь его одолеть?

Другой человек, напротив, был не столько потрясен, сколько восхищен. Шан Янь смотрел эту трансляцию, и, честно говоря, эта железная воля юноши прямо-таки тронула его сердце. Он ничуть не жалел Бай Муцзиня — в глазах того не было ни тени колебания, когда он калечил себя. Это был настоящий боец!

Он верил, что Бай Муцзинь вовсе не нуждается в чужой жалости. Даже если бы народ не давил на него, он рано или поздно пришел бы к этому — решил бы избавиться от своей слабости любой ценой.

Ах, какой же он волчонок. Мне даже стало любопытно взглянуть на него поближе...

<http://bllate.org/book/18573/1787478>